

- ⁴⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1627 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 413.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1633 г. Д. 1. Л. 129.
- ⁵⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 12373. Л. 1.
- ⁵¹ ЦГАДА. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
- ⁵² Там же Ф. Ногайские дела 1629 г. Д. 1. Л. 71, 72.
- ⁵³ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1646. Д. 1. Л. 217.
- ⁵⁴ Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 130.
- ⁵⁵ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 5465. Л. 1.
- ⁵⁶ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1643 г. Д. 1. Л. 300.
- ⁵⁷ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 110.
- ⁵⁸ ЦГАДА. Ф. Приказные дела старых лет. 1628. г. Д. 35. Л. 71.
- ⁵⁹ Русско-дагестанские отношения... С. 116.
- ⁶⁰ Крестьянская война... Т. 1. С. 111.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1644 г. Д. 5. Л. 517; 1646 г. Д. 2. Л. 1, 8; Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1654 г. Л. 66—69.
- ⁶² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 гг. М., 1889. С. 141.
- ⁶³ Там же. С. 63—64.
- ⁶⁴ Кабардино-русские отношения... С. 38, 40.
- ⁶⁵ ЦГАДА. Ф. Турецкие дела. Оп. 1. Кн. 3. Л. 111.
- ⁶⁶ Белокуров С. А. Указ. раб. С. 119 и др.
- ⁶⁷ Кабардино-русские отношения... С. 113—114, 123.
- ⁶⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1631 г. Д. 1. Л. 107.
- ⁶⁹ Кабардино-русские отношения... С. 302—303.
- ⁷⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 2241. Л. 1—2.
- ⁷¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 72—73.

© 1990 г.

Т. Туен

КУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Я берусь исследовать значение этнических интересов в районах Севера в некотором смысле неохотно. Дело в том, что конфликты могут возникать не только в связи с использованием новой технологии и новых способов эксплуатации природных ресурсов, но их могут стимулировать и результаты исследований по подобной тематике. Такие опасения особенно реальны, когда научные программы касаются материалов, имеющих особое значение для самоидентификации тех или иных народов. К тому же совершенно очевидно, что за два последних десятилетия значительно возрос уровень научной компетентности северных народов Аляски, Канады, Скандинавии и Гренландии. Они способны теперь говорить от своего имени при решении вопросов об определении приоритетности и организации тех или иных научных исследований.

Именно поэтому сегодня особенно важно, чтобы научно-исследовательскую политику в субарктической зоне определяли сами народы этого региона. Однако точка зрения «извне» также представляется полезной потому, что аборигенные народы находятся по своему статусу в положении меньшинств и обладают лишь ограниченным доступом (если вообще обладают) к тем правительственным или другим институтам, где принимаются решения, влияющие на будущее. Поскольку они не всегда могут защитить себя от внешних посягательств или дать направление исследованиям и другим мероприятиям в соответствии с их собственными представлениями о приоритетах, не следует пока считать, что только они способны оценивать этническую значимость запланиро-

ванных и незапланированных социальных, экономических и технических изменений, происходящих в северных регионах. И наконец, хотя именно аборигены Севера должны судить о приоритетности исследований, право предлагать и рекомендовать, а также оценивать подобные программы — задача более широкого общества исследователей.

Далее я хотел бы показать связь политического аспекта экологических и культурных изменений в обсуждении проблем будущего Арктики, обратив особое внимание на ответственность общественности и правительства за сохранение будущего саамов.

В связи с этим фундаментальное значение приобретает исследование зависимости между использованием ресурсной базы Севера и сохранением саамской культуры. Обсуждение конкретных проблем изучения арктических культур я считаю необходимым предварить освещением некоторых теоретических вопросов, связанных с подходом к проблеме культурной символики и этничности, хотя это и может показаться своего рода шагом в сторону.

С самого начала хочу объяснить, что мое понимание «культуры» не совпадает с точкой зрения, согласно которой а priori выделяются отдельные виды деятельности или объекты, что свойственно «культурной политике», которая представляется мне бюрократическим приемом для решения вопросов контроля, финансирования, образования, определения носителей культуры, создания рабочих мест и клиентуры в системе взаимодействия между властью и обществом. Я думаю, что нам следует, по меньшей мере частично, избегать такого ограничительного понятия культуры при организации культурологических исследований.

Норвежским парламентом не так давно принят новый параграф конституции, который гласит, что «государство обязано предпринимать необходимые меры, которые позволят саамскому населению страны сохранять и развивать свой язык, свою культуру и свою общественную жизнь». Думается, что основное значение этой формулы в провозглашении ответственности государства, а не в определении его юридических обязанностей в решении конкретных спорных случаев. Это значит, что при столкновении интересов организаторов проектов развития, с одной стороны, и части саамского меньшинства — с другой, последним приходится обосновывать зависимость сохранения своей культуры от соблюдения status quo. Груз доказательства лежит на плечах слабейшей стороны. Часто очень сложно выявить, как и в какой мере те или иные изменения экономического или экологического характера повлияют на «культуру». Однако никто не будет пытаться утверждать, что «культура» — статичное понятие, ограниченное проблемами адаптации, и что аборигенные народы Севера нуждаются в защите от воздействия внешних сил путем создания своего рода резервации.

Таким образом, один из основных вопросов, с которыми мы сталкиваемся, постулируя желательность культурологических исследований в Арктике, связан с определением понятия «культура» и с тем, как мы представляем соотношение между культурой и окружающей средой. Подобные проблемы возникали с момента становления культурной антропологии как науки. Уже их постановка служит, с одной стороны, показателем, насколько эта наука способна их прояснить, с другой — показывает трудности, которые возникают при разумном решении этих вопросов.

Что же нам следует подразумевать под таким понятием, как «арктические культуры»? Простым ответом было бы описание по типу концепции культурных ареалов, т. е. проще было бы перечислить элементы, предположительно связанные друг с другом в пределах определенного географически демаркированного региона. Именно таким образом возникли концепции «культуры инуитов», «саамской культуры», «индийской культуры» и т. п. В качестве денотата группы черт материального и нематериального свойства, таких, как язык, образ жизни, одежда, жилье, фольклор и т. д., этому понятию присущ вечный и неизменный

характер. Частично это то, чем бы мы хотели, чтобы было указанное явление, а частично это материализация (конкретизация) своих характерных черт самими народами.

Но всем нам известно, что дело обстоит иначе. Северные культуры, как и любые другие культуры мира, испытывают на себе влияние и формируются под воздействием внутренних и внешних сил с самых первых контактов с окружающими народами. Под воздействием развития образования, техники, рыночной экономики и политических усилий, различного рода вторжений возможности и условия жизни изменились так, что сегодня у этих народов наблюдается большое разнообразие в способах адаптации, варьирующих от существования, ориентирующегося на традицию в периферийных районах, и до современных предприятий, пользующихся самой передовой техникой и технологией. Представители этих народов занимают посты как в сложных бюрократических системах, так и в небольших локальных общинах. Они способны адаптироваться в разнообразных экономических условиях и проявляют компетентность в практических вопросах, касающихся их культурного наследия, скажем, языка и хозяйственной специализации. Не следует оставлять без внимания и то, что многие из них считают приобщенность к культуре большинства более важной для повседневной жизни, чем связь со своими собственными культурными традициями. Отношение к двум культурам связано с чувствами аборигенов по поводу их этнической принадлежности.

Нам следует исходить из факта, что саамская культура, понимаемая как некая общность традиций, ценностей и способов выражения, существует уже более двух тысячелетий в контакте с более сильными соседями. Она выжила, несмотря на отсутствие политического единства народа и соответствующих институтов, а также несмотря на постоянные попытки ассимилировать ее носителей в среде окружающих культур большинства. Это подтверждает силу этничности как основного динамического фактора во всей истории межличностных отношений саамов с их социальным окружением. Несмотря на утрату многих традиционных элементов культуры и широко распространенное мнение, что они больше не имеют значения в повседневной жизни, общее представление о взаимной противопоставленности саамов и норвежцев продолжает существовать. Самобытность саамов основана главным образом на принципе утверждения принадлежности к своей или противопоставленности какой-либо иной общности. Тот же механизм сопоставления существует у норвежского большинства. Культурологические исследования в Арктике должны исходить из того, что представление об этнических различиях продолжает существовать и сегодня. Важнейшая задача для исследователей — анализ условий, которые объясняют сохранение этих различий.

Возможно ли, таким образом, выделить некоторый набор существенных характеристик, которые могли бы рассматриваться как «саамность» (имманентные саамам признаки)? Как уже отмечалось, нам не следует расширять понятие «культурный регион», ибо может возникнуть ошибочное представление о культуре как об объекте (предмете), а не как о некоторой когнитивной конструкции, применяемой в целях идентификации.

Именно феноменом коллективной самоидентификации объясняется сохранение идеи «саамности» в течение истории этого народа, вопреки изменявшимся проявлениям ее культурного содержания. Чтобы выделить этот аспект, я воспользуюсь концепцией «непрерывных систем идентификации» («persistent identity systems») ¹, с целью обозначить «соотнесение индивидом себя с некоторыми символами или, точнее, что ими символизируется» ². В этом смысле саамская культура состоит из ряда идиом, к которым те, кто считает себя принадлежащим к данной культуре, испытывает эмоциональную привязанность. Обратимся к Спайсеру, который утверждает, что здесь мы имеем дело с верованиями и чувствами, которые усваиваются людьми подобно другим элементам культуры, связанным с конкретными символами, такими, как

различные предметы искусственного происхождения, слова, ролевое поведение и ритуальные действия. Взаимосвязь между индивидом и некоторыми элементами культуры — символами является существенной чертой коллективной системы идентификации: отдельные индивиды верят и осознают важность того, что олицетворяется символами. Предъявление символов и манипуляция ими вызывают определенные чувства и стимулируют утверждение веры среди индивидов, принадлежащих к данной коллективной системе идентификации³.

Чтобы проиллюстрировать указанную идею, я попытаюсь перечислить ряд концепций, которые, по мнению представителей саамской интеллигенции, определяют понятие «саамность». В наборе выделяемых ими черт есть ключевые темы, имеющие символическое значение. Первую они называют «культурно-диакритической» и включают в нее язык, привязанность к родственникам и к местности, специфические трудовые традиции существования, одежду и систему имен, искусство, философию, идеи, ценности и нормы. Вторая связана с идеей общности происхождения; третьей приписывают значение самоидентификации, а четвертая — это организация и структура их взаимоотношений⁴.

Все четыре представляются темами разного порядка. Так, например, третья — связанная со значением самоидентификации, видимо, включает остальные три: именно благодаря коллективной ориентации на то, что здесь названо «культурно-диакритической» сферой, на общность происхождения и на организацию взаимоотношений, оказалось возможным выражение и сохранение этнического самосознания. Важно и то, оценивают ли индивиды свою соотнесенность с таким набором устойчивых символов положительно или же как некий груз, от которого они хотели бы избавиться. В самой основе того, что связано с устойчивыми системами идентификации, лежит идентификация изнутри и извне. Поэтому мы можем задаться вопросом, что составляет соотнесенность индивида с коллективом, особенно важную для него в момент, когда он может сделать выбор и перейти границу к ассимиляции в среду большинства.

Как бы то ни было, представляется, что непрерывность культурного комплекса во многом связана с окружающей средой. Именно в этом плане можно дать емкое определение понятию «культурная экология». Само по себе это понятие кажется мне довольно расплывчатым: оно включает любой элемент внешнего воздействия, влияющий на сохранение или прекращение существования какой-либо «культуры»: это и природные условия, экологический баланс, соревнование за «ниши», технологическая адаптация и политическая власть, а также переплетение этих и других факторов.

Однако на основании исторического материала и сравнительного опыта можно утверждать, что решающим фактором поддержания устойчивой системы культурной идентификации выступает именно продолжающийся конфликт между народами-меньшинствами и их политическими гегемонами. Именно противопоставленность, символическая или реальная, спасает эти народы от включения или ассимиляции в более крупные или более мощные общности. Характерно, что эта противопоставленность редко принимала форму военных столкновений, но гораздо чаще проявлялась в избегании контактов и в форме движений символически оппозиционного характера. Те элементы культуры, которые оказались в результате таких процессов интегрированными в традицию, своей устойчивостью во многом обязаны именно контрасту с культурой большинства.

Положение меньшинства характеризуется тем, что его члены не пользуются особым статусом в рамках общества большинства. Это означает, что им не позволено участвовать в процессах межэтнического взаимодействия в качестве членов иной категории, чем категория большинства⁵. В такой неадекватной ситуации они подвергаются санкциям, если их поведение отклоняется от норм, преобладающих в культуре большинства. Многочисленные примеры из истории саамо-норвежских отношений говорят, что такое неравенство может вызвать отказ от контактов или их минимизацию. Попытки властей навязать

в целях норвегизации норвежский язык и норвежские национальные нормы саамским детям встретили неприятие и сопротивление, особенно в центральных районах Саамландии, а с середины прошлого века церковь столкнулась с сильным оппозиционным движением, которое систематически противопоставляет официальному учению церкви альтернативные нормы и ценности, связанные с иными способами поведения и иным представлением о пути к спасению⁶. Семья, община и приход выступают в качестве средства устойчивого противодействия бюрократической системе государственного образования и церкви, не признающим эти две культуры в качестве взаимодополняющих систем. Другим примером усилий саамов в борьбе за права на землю и статус аборигенов могут послужить выступления 1979—1981 гг. в ответ на государственную программу строительства гидроэлектростанции на р. Альта в Финнмарке. Это движение потерпело поражение, но оно вынудило правительство признать необходимость рассмотрения вопроса о правах саамов на собственные представительные политические институты и т. д. Сегодня эти принципы в определенной мере реализованы в политической системе Норвегии.

Утверждение о том, что условием развития устойчивых систем идентификации является их длительное подавление со стороны центральных властей, может казаться парадоксальным и нуждается в уточнении. Во-первых, мы говорим здесь о народах, живущих внутри наций-государств, обладающих высшей властью и диктующих условия, в которых система культуры меньшинств вынуждена стремиться к выживанию. Тот факт, что они все-таки выжили, уже подтверждает предположение, что ответной реакцией на подавление было обращение этих народов к своим собственным системам ценностей и символов идентификации. Во-вторых, разочарование, вызванное длительным игнорированием культурных ценностей меньшинств вкупе с возрастающей угрозой ассимиляции — может для части людей сделать бессмысленной всякую оппозиционность и породить внутренний конфликт. Принцип «разделяй и властвуй» был и остается одним из наиболее успешных средств управления этническими меньшинствами в истории. Культурная экология, если употреблять эту концепцию, в метафорическом смысле может содержать ряд вариантов, требующих выбора между противоположными идентификациями, и трансформирует, таким образом, исходную оппозицию по отношению к большинству в антагонизм внутри самого меньшинства. Наглядной иллюстрацией этого могут служить современные разногласия между политическими организациями саамов. В таком случае уместен вопрос об условиях успешного выживания устойчивой системы идентификации на основе оппозиций.

Я позволю себе обобщить сказанное выше. Одной из исходных позиций в изучении вопросов сохранения арктических культур должно быть признание, что аборигенные народы этой зоны живут внутри крупномасштабных экономических и политических систем, совершенно неподвластных им и как аборигенам, и как меньшинствам. Среда их обитания характеризуется не только природными, но, что еще более важно, общественными условиями. Политический, а не экологический характер имеет их маргинальность. Выживание указанных народов зависит от применения традиционных способов взаимодействия с природой, а также от способности к созданию своего собственного образа жизни, своего языка и своих обычаев, завершенного комплекса символов и идиом, объединенных в единую непрерывную систему идентификации (самосознания).

Последнюю систему можно рассматривать как состоящую из некоторого набора диакритических знаков культуры, из идей общности происхождения и из системы социальных отношений, объединенных в комплекс и контрастирующих с соответствующими институтами окружающей культуры большинства. Взаимодействие между оппозиционными сообществами меньшинства и большинства может рассматриваться как процесс, вызывающий к жизни изменяющиеся возможности и выгоды, которые меньшинство может получать посредством стремления к достижению поставленных им целей. Эти возможности могут

также побудить некоторых членов меньшинства к замене своих собственных ценностей ценностями большинства.

В последующем изложении я попытаюсь определить три самых приоритетных области для изучения. Все они связаны с тем, что, по-моему, угрожает существованию культур на Севере, т. е. тем ценностям и интересам народов, выступающим в качестве символических систем, с которыми они идентифицируют себя как отдельные народы. Я имею в виду, во-первых, прямые посягательства на основные источники традиционного жизнеобеспечения. Во-вторых, нарастающее загрязнение окружающей среды, которое может угрожать будущему культур не только меньшинств, но и населения крупных населенных районов. И, наконец, в-третьих, долговременное воздействие структурных изменений на экономические условия.

Первую из проблемных областей можно проиллюстрировать на примере строительства государством плотины на р. Альта, что ведет к уничтожению осенних пастбищ и нарушает сезонные передвижения оленьих стад саамов, имеющих огромное значение для поддержания оптимального баланса между животными, пастбищами и людьми⁷. Подобные же проблемы экологического характера возникают в связи с экстенсивным ловом лососевых, угрожающим полным их исчезновением из районов рыболовства в фьордах Финнмарка. Считается, что это создаст угрозу даже для некоторых саамских поселков, получающих доходы главным образом из этого источника. Туризм, войсковая деятельность, дорожное строительство, траулерный отлов рыбы и т. п. — все подобные вмешательства нарушают или уничтожают экологический баланс традиционных способов адаптации саамов к окружающей среде. Это наиболее очевидные и прямые угрозы традиционным способам адаптации. Одновременно подрывается и материальная основа систем символов, поскольку людей нередко понуждают к переориентации на такой способ существования, к которому они могут почувствовать себя неспособными или некомпетентными. Ввиду того, что возможности для переадаптации саамов в общем ограничены, последние могут быть поставлены перед необходимостью отказаться от того единственного образа жизни, который они сами определяют как саамский.

Исследования, вызванные к жизни потребностями решения проблемы сохранения традиционных способов адаптации, основаны на документах. Необходима информация об использовании коренными жителями природных ресурсов Севера. Это дает возможность юридически обосновать требования об исключительном контроле природных ресурсов коренным населением, исходя из принципа традиционного права. Этот принцип был принят в случае с оленеводством, и к настоящему времени владельцы стад оленей уже довольно долго получают соответствующую экономическую компенсацию за свои пастбищные угодья. Вопрос о расширении права на компенсацию находится сейчас на рассмотрении Комитета по правам саамов. Обычно такого типа исследования проводятся историками, этнографами и юристами, которые формулируют свою задачу во многом в соответствии с принципами международного права, конституирующего необходимость обеспечения защиты коренных народов в части их традиционных способов адаптации. Однако положения международного права представляются менее действенными, когда речь идет об открытии возможностей развития саамов в настоящем и будущем. По-моему, концепция этнического права должна охватывать и вопросы политического контроля над теми условиями, от которых зависит будущее культуры коренных народов как устойчивых систем идентификации, при всей неизбежности изменений в их материальной базе, что необходимо учитывать.

Указанную проблему можно сформулировать следующим образом: если термин «культура» использовать для обозначения традиционных форм адаптации к экологическим условиям, а защита аборигенных прав базируется на признании традиционного права пользования, то можно ожидать, что при такой системе контроля народы сохранят образ жизни, который им самим, и особенно

молодому поколению, может представляться архаичным и отжившим. Вместе с тем следует учитывать, что культуры обладают потенциальной адаптивной способностью к модернизации и аккультурации и достаточно изобретательны в переформулировании *смысла*. От применения современного оборудования в оленеводстве это занятие не перестает быть менее саамским, поскольку сам контекст, в котором появляются подобные инновации, со всей очевидностью остается именно саамским. Однако существуют и определенные границы: аккультурация приемлема в той мере, в которой она не затрагивает диакритического основания аборигенных культур. Общественно-экономические условия постоянно требуют такой переориентации, которая может оказаться непосильной для способности какой-либо культуры к трансформации и к интегрированию подобных инноваций в свою систему символов. Проблема способности к переориентации и переосмыслению нуждается в изучении. Я думаю, что *язык* представляет единое и наиболее важное условие сохранения того, что я называю устойчивыми системами идентификации, сталкивающимися с процессами модернизации и аккультурации.

Проблема подобного же характера (вытекающая из понятия «культуры» как концепции, фокусирующей скорее на самой традиции, чем на ее способности к динамическому самовоспроизводству) состоит в том, что она позволяет властям ограничить свое внимание теми обязанностями по отношению к меньшинствам, которые очерчены границами их собственного определения культуры. В этом направлении власти поддерживают различные виды деятельности, такие, например, как образование, искусство, театр, ремесленное производство, оленеводство и т. д. Все это, конечно, очень важно для саамских организаций, связанных с указанными видами деятельности, но не создает никакой гарантии того, что общая экономическая политика, планирование, разнообразие инженерных программ и т. д. будут проводиться с учетом воздействия на саамский образ жизни. Так, например, не было почти никакого обсуждения влияния на саамские районы программ создания нефте- и газодобывающих установок вблизи побережья Финнмарка или строительства производящих заводов на этом побережье. В тех публичных обсуждениях условий жизни в Финнмарке, уровня жизни, эмиграции населения на юг, экономического кризиса рыболовства и т. п., которые имели место в последние несколько лет, упускалось из виду, что под вопросом оказалось само существование саамских поселений и их культуры. Попросту говоря, проблемы саамов относятся к другому департаменту⁸.

Нам нужно такое исследование, которое *объединило* бы культурную перспективу со структурными изменениями экономических условий. Именно в таком плане Северным саамским институтом проводится исследование влияния постановлений, экономических субсидий и т. п. на сельское хозяйство окраинных регионов. Получены результаты, свидетельствующие, что сельское хозяйство в саамских районах не имеет выгод от постановлений, адресованных сельскому хозяйству в целом.

Другой важный вопрос связан с развивающимся в последние годы в оленеводстве кризисом. Он вызван недостаточностью пастбищ для поголовья животных на горном плато Финнмарка, в основном районе зимовок. Традиционные методы регулирования доступа к пастбищам посредством системы практических обычаев и соглашений, созданных номадами в течение столетий, сегодня выглядят частично устаревшими благодаря официально введенным постановлениям. Последние, однако, не дали того эффекта сокращения поголовья оленей, на который были рассчитаны⁹. По моему мнению, необходимо срочно начать изучение взаимосвязи между традиционной практикой оленеводства и животноводства и административными постановлениями, осуществляемыми властями. Задачей подобных исследований была бы выработка предложений, приемлемых для практиков. На сегодня же имеет место кризис доверия между оленеводами, их организациями и административной властью.

Выше я уже говорил о такой угрозе существованию арктических культур, как прямое посягательство на пастбища, рыболовецкие угодья и т. п. Следует сказать и об угрозе загрязнения среды. Мы являемся свидетелями катастрофических последствий Чернобыля, сказавшихся на оленеводстве, особенно в южных областях его распространения. Другие виды современной техники также вызывают подобные последствия: это климатические изменения вследствие загрязнения воздушной среды — парниковый эффект, возникший в результате повышения температуры и ультрафиолетового излучения в связи с нарушением слоя атмосферного озона. Эти явления несут угрозу всей глобальной экологической системе, но могут быть особо катастрофическими для Арктики.

В случае с Чернобылем интересы саамов оказались в центре внимания, поскольку были заражены их оленные пастбища. При загрязнении мирового воздушного и водного океанов такое воздействие охватит всю сферу обитания человечества вне всякой зависимости от национальных или этнических границ. Специфической проблемой для коренных народов является отсутствие у них государственного аппарата, который мог бы организовать соответствующее противодействие, а также ограниченность или полное отсутствие альтернативных форм адаптации, от которой зависит выживание их культуры. Принятые меры к прекращению загрязнения окружающей среды — первоочередная обязанность мирового сообщества; на форумы, обсуждающие подобные меры, должны приглашаться в качестве участников и представители аборигенных народов Арктики. Таким образом, необходимы междисциплинарные исследования, которые могут оказать прямое воздействие на выживание различных систем культуры.

И наконец, я коснусь долгосрочных следствий изменений в экономических структурах. Такие следствия проявляются по-разному. Это не прямое посягательство или вмешательство в сферу материальных ресурсов арктических народов, а результат изменений, вызываемых их включением в крупное рыночное хозяйство, развитием дуалистичной экономической структуры, при которой устанавливаются барьеры конвертирования продуктов аборигенных народов, введением современной дорогостоящей техники, предопределяющей увеличение денежных доходов, развитием миграции рабочей силы, централизованной системы расселения и т. д. Как экологические изменения вытекают из вмешательства внешних сил в традиционную систему адаптации, показывает в своем классическом докладе Х. Клейван¹⁰ об инуитах Северного Лабрадора. Автор считает, что централизация, новые типы жилья и переход от тюленьего промысла как основы жизнеобеспечения к лову трески для рынка имели глубокие последствия при использовании экологических ниш и при экономической адаптации конкретных групп людей.

В целом можно говорить о действии нескольких механизмов. Поскольку наступление на их территории привело к контакту с «Белым миром», коренные жители Арктики ощутили возрастающий спрос на некоторые свои продукты. Связь с внешним рынком поставила коренных жителей в зависимость от более специализированных видов производства, а рост денежных доходов позволил закупать современное оборудование для расширения производства. При этом колебания цен вызвали непредсказуемые изменения в доходах, а слишком интенсивная эксплуатация определенных экологических ниш могла вести к уменьшению поголовья некоторых видов животных. Для коренного населения общая ситуация изменилась от независимости и самодостаточности к зависимости от субсидий и денежного вспомоществования как альтернативе бедности. Их культурные традиции адаптации к условиям природного окружения не ограничиваются более набором тех умений и знаний, которые необходимы лишь для выживания и для личного преуспевания.

Динамика «модернизации» описана здесь в упрощенном виде, но ее последствия сказываются чрезвычайно отчетливо в среде аборигенных народов

Севера. Какого рода компенсация может возместить эту культурную потерю и какого рода очередность требуется соблюдать в соответствующих условиях? Повторю снова, что не может быть и речи о реставрации прошлого, которая потребовала бы изолировать эти народы от тех возможностей, которые им открылись через контакт с современным обществом. Не служат ответом и экономические компенсации сами по себе, поскольку аборигенные народы заинтересованы в превращении фондов в такие виды деятельности и предприятия, которые оказали бы долговременное влияние на их благосостояние. По моему мнению, существует потребность в исследовании, которое бы определило, как с помощью субсидий или других мер обеспечить использование различных возможностей для развития деятельности, удовлетворяющей современные потребности арктических народов, а также обеспечить при этом символическую значимость этой деятельности, которая служила бы продолжением сохраняющихся в настоящее время устойчивых систем идентификации.

В заключение вернусь к моим замечаниям, сделанным в начале статьи. Аборигенные народы Арктики достигли уровня политической организации, признанного, по крайней мере частично, нациями-государствами, в которых они живут. Предстоит, однако, пройти еще очень долгий путь, прежде чем удастся использовать эти организации как средство для утверждения своих культур и обществ в качестве равных и дополняющих соответствующие культуры и общества окружающих их народов большинства. Мне кажется, что высшей задачей Северного Совета министров должно быть стремление к тому, чтобы политические институты коренных народов внутри нордических стран могли играть свою формообразующую роль. Чрезвычайно важной в этом отношении является готовность предоставить этим институтам решающее право в ряде вопросов, относящихся к их компетенции. Кроме того, существует еще одна область исследований, более важная, чем все указанные выше. Это изучение того, как развитие организаций коренных народов и другие реформы влияют на восприятие большинством интересов, требований и проблем меньшинств, с одной стороны, и на самоидентификацию меньшинств как народов, разделяющих идею общности своего происхождения и диакритическую значимость своей культуры, — с другой.

Перевод В. А. Парицкого и Н. В. Ссори́на-Чайкова

Примечания

¹ Spicer E. H. Persistent Cultural Systems // Science. 1971. V. 6. 1. P. 795—800.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 796.

⁴ NOU. Samenes Rettsstilling. Oslo: Universitetsforlaget, 1984. P. 18.

⁵ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.

⁶ Bjørklund I. Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway — a Contribution to the Connaon Property Debate // Mimeo. Univ. Tromsø, 1988; *idem*. Fields of Interaction and Implication Systems: Læstadianism and Social Change in the North of Norway // Ethnos. 1988. № 1—2.

⁷ Bjørklund I., Brantenberg T. Samisk reindrift — norske inngrep. Om Altaelva, reindrift og samisk kultur. Oslo: Universitetsforlaget, 1981.

⁸ Thuen T. The Sami in Norway: Ethnic Interests and the Segmentary // Mimeo. Univ. Tromsø, 1982.

⁹ См. указанные в примеч. 6 работы Бьерклунда.

¹⁰ Kleivan H. Økologisk endring i Labrador // Naturen. 1962. № 4.